

Институт политических и социальных исследований
Черноморско-Каспийского региона
Центр независимых социологических исследований
Кубанский социально-экономический институт

Нона Робертовна Шахназарян

В ТЕСНЫХ ОБЪЯТИЯХ ТРАДИЦИИ: ПАТРИАРХАТ И ВОЙНА

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

ББК 60.7
УДК 314.96
Ш 31

*Автор благодарит Миграна и Алефтину Аракелян
за помощь в издании книги*

Рецензенты:

Н. П. Котовская, доктор исторических наук, профессор РАН, Москва
Ю. А. Абашидзе, кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник Института этнологии, этнографии и антропологии
(сектор Кавказа), РАН

Шахназарян Н. Р.

В тесных объятиях традиции: патриархат и война / Н. Р. Шахназарян. –
Ш 31 СПб.: Алетейя, 2011. – 276 с. – (Гендерные исследования).

ISBN 978-5-91419-522-6

Монография посвящена антропологическому анализу послевоенного неотрадиционалистского общества жителей Нагорного Карабаха в постсоциалистический период. Категория гендер, которая актуализирует социальную, а не биологическую сущность отношений мужчины и женщины, введена в международный научный оборот в оправе конструктивистской парадигмы в 80-е гг. XX в. Категория включает в себя женские исследования, так же как и исследования маскулинности и queer-исследования. Монография написана на основе эмпирического материала, собранного в ходе восьми-месячных полевых исследований автора в одном из регионов постсоветского Нагорного Карабаха (de facto существующей Нагорно-Карабахской республики) методом включенного наблюдения в 2000-2001 гг, а также в ходе кратковременных полевых поездок в летнее время в 2003-2009 гг. Монография адресована студентам, аспирантам, преподавателям вузов и другим научным работникам, равно как и широкому кругу читателей.

**ББК 60.7
УДК 314.96**

ISBN 978-5-91419-522-6

9

7 8 5 9 1 4 1 9 5 2 2 6

© Н. Р. Шахназарян, 2011
© Институт политических и социальных исследований
Черноморско-Каспийского региона, 2011
© ЦНСИ/Кубанский социально-экономический
институт, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

ВВЕДЕНИЕ

Женщины отнюдь не игнорировались в традиционных этнографических и антропологических работах благодаря заинтересованности антропологов проблемами родства и брака. На уровне полевой работы поведение женщин было исчерпывающе описано. Двусмысленность с которой социальная / культурная антропология обращалась к теме женского заключается не в сфере эмпирических исследований, а скорее в сфере их (женщин) репрезентации. Иными словами проблема лежит на общетеоретическом и аналитическом уровнях. Проблема собственно — в женской аналитической «невидимости», что требует анализа самой эмпирической категории «женщина» (в той же мере как конструкторов «семья», «брак», «домашнее хозяйство»).

Вместе с тем обнаружились принципиальные различия в интерпретациях, которые давали женщины-этнографы и мужчины-этнографы в отношении жизненных позиций и сущностных свойств женщин. Эти различия рассматриваются в общем и в перспективах конкретных культур в работах западных антропологов¹. Феминистские антропологи увидели свою главную задачу в деконструировании мужских предубеждений путем фокусирования внимания на самих женщинах, на записи и анализе утверждений, ощущений и позиций самих женщин. Было много сказано о привилегированном статусе женщины-этнографа в отношении исследований женщин, связанной с формулой «нужно самому быть таким, чтобы понять это».

Феминистская антропология, таким образом, столкнулась с задачей переработки и переопределения антропологической теории в целом: «По мере того, как все большее число феминисток обнаруживало, что цели женского движения не могут быть достигнуты посредством метода «добавь и размешай», примененного в отношении женщины, ученые, ориентированные на женские исследования, обнаружили, что не только антропология, но и вся академическая наука не могут быть вылечены от сексизма (дискриминация по признаку пола)

¹ См., например: Ardener, Edwin. «Belief and the Problem of Women», in S. Ardener, ed., «Perceiving Women» London: Dent, 1975; Rohrlach-Leavitt, Ruby; Sykes, Barbara; Weatherford, Elizabeth. «Aboriginal Woman: Male and Female Anthropological Perspectives», in Rayna Reiter, ed.; «Toward an Anthropology of Women». NY: Monthly Review Press, 1975; Мур Г. Феминизм и антропология: история взаимоотношений // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. Харьков, СПб: «Алетейя», 2001.

посредством простого добавления женщины в список исследуемых предметов»¹.

Отношения, складывавшиеся между феминистской теорией и этнологией (антропологией), претерпели несколько этапов, начиная с критики мужской системы предрассудков внутри самой дисциплины антропологии, с критики пренебрежения женщиной и искажения ее образа. Следующая фаза базировалась на критической переработке универсальной категории «женщина», которая сопровождалась столь же критичным взглядом на вопрос о том, действительно ли женщина так хорошо приспособлена к тому, чтобы изучать других женщин. Это привело к страхам по поводу «геттолизации»² (то есть возможного формирования поддисциплины в рамках антропологии) этой сферы исследований уже внутри антропологии как дисциплины. Однако в результате этих обсуждений антропология женщин стала находить новые подходы и переопределять свой собственный проект уже не как «исследование женщин», но как «исследование гендера».

Фокус исследований в гуманитарных науках (этнология, социология) в последнее время смещается на изучение маргиналов, девиантов. Такое смещение обусловлено тем, чтобы установить баланс между традиционными исследованиями высших социальных слоев и элит (публичной стороной жизни) и «немых», «молчащих» категорий общества. Предложенная Эдвином Арденером теория «молчащих групп» показывает, что доминантные группы генерируют и контролируют доминантные модусы человеческого выражения. «Немые», «молчащие» группы, напротив, наслаждаются тишиной: к этому их вынуждают структуры доминирования³. К одной из единиц категории «немых» относятся женщины, которым в основном и посвящено данное исследование. Если традиционная наука неизменно концентрировала внимание на эксплицитно-демонстративной стороне жизни, то новая современная наука обращается к культурному анализу повседневности, отталкиваясь от посылки, что субъективное восприятие прошлого и настоящего дает новое прочтение и источников и реальности. Так, детальное исследование женского опыта, его субъективное изучение возможно, или даже наверняка, поколеблет

¹ Boxer, Marilyn. «For and about Women: The Theory and Practice of Women's Studies in the United States», in N. Keohane, M. Rosaldo and B. Gelpi, eds., «Feminist theory: A Critique of Ideology». Brighton: Harvester Press, 1982; цит по: Мур Г. Указ. соч. С. 564.

² Мур Г. Феминизм и антропология: история взаимоотношений. С. 588.

³ Там же. С. 585.

те исторические модели, которые учитывают лишь мужской опыт и обосновывают мужскую власть.

В представленной работе впервые предпринимается попытка аналитического описания положения женщин в обществе карабахских армян. С выбранных позиций тема в антропологической науке практически не разработана, хотя трудно переоценить значение отношения полов для развития и воспроизводства культуры (общества). Существует убеждение, что в «традиционном» армянском обществе имела место гармония гендерных взаимоотношений. Власти женщины в доме, «над половником» (*tany shirephy tzerkes a*), приписывается преувеличенно большая роль. Однако эта «власть» сильно зависит от множества измерений, таких, например, как возраст, локальность проживания семьи¹. Доказать факт угнетения женщины, выявив конкретные механизмы этого явления, на сегодняшний день, как выяснилось, непростая задача.

Цель данной книги — изучить существующую гендерную композицию в современном Карабахе и отразить господствующие гендерные установки. В соответствии с этой целью предстоит решить следующие исследовательские задачи:

Во-первых, описать гендерный контекст культуры, детально изучив дискурсы, воспроизводящие существующий гендерный порядок (современный обыденный и публичный дискурсы, анализ фольклорных текстов);

Во-вторых, установить диспозиции, определяющие социальный статус женщины («нормы» и «отклонения» внутри этих статусов) и дать развернутое описание и научный анализ каждой из женских позиций посредством озвучивания аутентичных «голосов» самих женщин;

В-третьих (одна из центральных задач исследования), деконструировать, демифологизировать и демистифицировать основы патриархальных политик; сделать видимыми эти политики через проговаривание и описание рутинизированных повседневных практик, ускользающих из-под контроля сознания. Этой же цели подчинен анализ ветеранских историй последней войны в Карабахе (см. гл. 4), который показывает,

¹ Ср.: «...половник был носителем исключительно важного знака, ибо он олицетворял функции распределения пищи в семье, принадлежал старшей хозяйке дома, был как бы олицетворявшим ее власть скипетром, к которому не смели прикоснуться младшие женщины семьи». См.: Маркарян Э. С., Арутюнов С. А., Барсегян И. А., Енгибарян С. Е., Мелконян Э. Л., Мкртумян Ю. И., Сарингулян К. С. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). АН Арм. ССР. Ереван. 1983. С. 253.

что патриархат как идеология может ущемлять интересы не только женщин, но и молодых мужчин.

Таким образом, фокусом исследования являются социально обусловленные взаимоотношения полов в неотрадиционном (со)обществе в перспективе конкретной группы (карабахских армян), а также механизмы конструирования гендерных отношений и факторы, вызывающие их трансформацию через женскую субкультуру, а также культурные стереотипы, связанные с этим кругом вопросов.

Хронологические рамки исследования охватывают в основном современный период, начиная с конца 80-х гг. 20 века. Таким образом, в эпицентре исследования находится современное карабахское общество, пережившее вооруженный конфликт (последние 15 лет), войну, то есть общество, находящееся на изломе времен, претерпевающее трансформации. Трансформации эти настолько динамичные, что видны одному поколению людей. Однако, по существу, эти временные рамки гораздо шире, поскольку экскурсы в историю вооружают исследователя объяснительными инструментами и категориями. Так, в качестве иллюстраций приводятся описания и более ранних периодов. Что касается географических пределов исследования, они по большей части ограничены одним из пяти районов Нагорного Карабаха – Мартунинским с райцентром в Мартуни. Выезды в другие города и села позволяли судить о репрезентативности собранных сведений. Работа в других населенных пунктах Нагорного Карабаха (города Степанакерт и Шуши (другой вариант Шуша), села Чартар, Ашан, Гиши, Гаце, Мадагис, Амарас, Ванк, Даграз, Мехмана, Азёх, Хунушинак, Мачкалашен, Карвин и целый ряд др.) дополнила и обогатила мартунинский материал.

Книга состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка, а также приложения (тексты самих участников исследования/информантов) и фотографий.

В главе первой, основанной на анализе некоторых проекций структуры языка, фольклорных текстов и авторских интервью, описывается дискурсивное поле гендерных отношений в исследуемом регионе. Она посвящена рассмотрению гендерных аспектов лингвистических практик, производящих и воспроизводящих отношения господства и подчинения, и представляет собой критику лингвистических форм патриархатного дискурса. Автор считает, что изложение этого материала вводит в исторический и современный контекст исследуемой культуры, освобождая его от многих разъяснений в ходе последующего анализа. Кроме того, трудно переоценить значение доминирующих дискурсов в регуляции и контроле друг друга членами общества.

Безусловным, по мнению автора, является и то, что эти дискурсивные практики способны задавать векторы и корректировать социальное поведение членов сообщества.

В задачу второй и третьей глав входит описание типовых вариантов женских статусов, «нормальных», «правильных» (социальные роли замужних женщин и вдов) и отклонений от «нормы» (разведенные и незамужние (за чертой определенного возраста) женщины), выведенных по основному ценностному критерию, принятому в исследуемой культуре — диспозиции к браку.

Вторая глава состоит из двух структурно связанных частей. В первой из них исследуются нарративы, поведение, ролевые установки, связанные с «самым правильным» статусом — замужней женщиной, то есть, что значит быть «настоящей» женщиной по-карабахски. Кроме идеалов женственности и приемов их конструирования, здесь также затрагиваются проблемы сексуальности и взаимоотношений на микроуровне, что дополняет эту картину. Во втором параграфе рассматриваются некоторые аспекты женского безбрачия в Карабахе (вдовы, старые девы, разведенные), а также намечается показать, как конструируется образ вдовы в исследуемой культуре и какие смысловые нагрузки несут в себе подобные конструкции; какие поведенческие стратегии реально демонстрируют вдовы и каков их статус в обществе. В фокусе исследования оказались устные истории женщин, овдовевших в результате военных событий. Глава написана на основе многочисленных структурированных и глубинных интервью.

Дальнейшая логика выстраивания текста на первый взгляд «ломается»: сначала за единицу структуры берется социальная позиция, статус, состояние в браке, потом вдруг критерий меняется, фокусируясь на событиях. Но при вдумчивом прочтении можно ухватить внутреннюю связь этих явлений и в конечном итоге логику самого перехода, которая подчиняется освещению жизненно значимых событий, всерьез повлиявших не только на трансформацию гендерной конфигурации в обществе, но и на жизнь в регионе в целом. Это карабахская война и экономическая (трудовая) миграция мужчин, неразрывно связанная с последствиями первой. Не случайно практически во всех взятых интервью фигурируют слова «это было до/после событий», не конкретизируя, какие события подразумеваются — все знают какие.

Третья глава также состоит из двух параграфов. Эта часть работы посвящена теме «женщина и война», «материнство и война». В первом параграфе описываются изменившиеся в постсоветский период условия, и достаточно подробно анализируется положение женщины, разведенной

де-факто — речь идет о женах мигрантов. Здесь же описывается феномен гастарбайтерства и его последствия для женщины. Во втором параграфе интенсивно используется информация одного человека, наиболее адекватно, по мнению автора, отражающего более или менее типичные мотивации и стратегии поведения женщин-воинов.

В четвертой главе предпринимается попытка показать, как конструируются идеалы гегемонной/доминантной маскулинности в обществе патриархата и как эти идеалы используются для мотивирования активной позиции на переднем фронте войны. Последняя глава важна тем, что вносит некоторое равновесие в фабулу книги, приглашая к трибуне одну из групп мужского сообщества — молодых людей. В ней анализируются основания молодежных солидарностей в контексте войны. Эти солидарности и идеалы, взращенные и функционирующие под вездесущим давлением традиционного канона, смертоносны по своим последствиям для самих же акторов в описанной социальной игре. Образно говоря, последняя часть книги — это эссе «о корове, мечтавшей стать гамбургером», как остроумно выразился герой одной современной мультипликации.

В заключительной части подводятся итоги исследования, говорится о перспективах трансформаций гендерного порядка в регионе в пику патриархатной модели. Обсуждается позиция самих женщин, их собственные оценки своего положения.

Как писалась эта книга: источники и методы работы с ними.

Исследование основано на разнообразных источниках, в том числе оригинальных, собранных автором в ходе многолетних наблюдений, опросов аудио и видеосъемок. Их можно классифицировать так: печатные, в том числе нетиражные, виртуальные; письменные (рукописи, дневники, письма); устные (структурированные и неструктурированные интервью), устно-письменные (опросы-анкетирования), фото и видеоисточники.

По мнению автора, для исследования идеальных конструкций человеческого сознания с множественностью различных интерпретаций одних и тех же феноменов необходима качественная методология. Речь идет обо всех разновидностях глубинных интервью (биографическое, лейтмотивное, нарративное, фокусированное, свободное) и исследовании одного примера как некоторого единства, гомогенности объекта.

В поисках наиболее адекватных источников информации для решения задач, связанных с отслеживанием микропроцессов и микропо-

литик «создания гендера» (doing gender), выбран метод «включенного наблюдения» (participant observation). Он предполагает, как известно, проживание в исследуемой культурной среде на правах его обычного члена, естественное подключение ко всем сферам жизни и деятельности изучаемого общества. Ввиду этого с октября 2000 по июнь 2001 года я проживала в г. Мартуни Нагорного Карабаха для сбора полевого этнографического материала. Наблюдения в процессе непосредственного участия в жизни городка точно записывались в полевой дневник, который велся на протяжении всего пребывания. Работа в средней школе в качестве учителя этнологии в старших классах открыла возможность общаться в молодежной среде (беседы, походы в горы, сочинения на заданные темы) и коллективом школы.

В результате интервьюирования зафиксированы беседы, рассказы, фольклорные тексты, биографические сведения местных жителей разных возрастных групп. Центральное место в работе занимает основанный на изучении личности в контексте истории биографический метод исследования, который является частью метода *устных историй* (oral histories). Другими словами, биографический метод обращает исследователя к конкретным судьбам обычных людей и влияние на них социально-экономических и политических катаклизмов. Биографический метод прошел немалый путь с 1960-х годов, когда он считался ненаучным. Автобиографии представляют собой «нарративы о практиках, ориентированные на сущностную реальность и истину, где истина рассматривается с уникальной позиции автора, который одновременно и является рассказчиком, и рассматривает себя в качестве такового»¹, это способ «постичь объективность из субъективности»².

Классическое автобиографическое исследование строится на таких базовых понятиях как контекст, аутентичность, референциальность и рефлексивность³. Встает также серьезная методологическая проблема – каким образом можно использовать рассказы о жизни. В задачи биографическо-нарративного интервью входит стимулирование участников исследования/информантов на рассказы (нарративы) о своем жизненном опыте. Коммуникация в процессе такого интервью

¹ Й. П. Руус, Контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность: назад к основам автобиографии. С. 10 // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Под ред. В. Воронкова и Е. Здравомысловой. СПб., 1997.

² Берто Д. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии. С. 16. // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Под ред. В. Воронкова и Е. Здравомысловой. СПб., 1997.

³ Й.П. Руус Контекст.... С. 10.

подобна коммуникации в повседневности, она протекает в форме непринужденной беседы, а её ход может задаваться интервьюером, как в определенном тематическом русле, так и предоставляться свобода в выборе тем и сюжетов повествования (автор чаще шла вторым путем). В случае с информантами в Мартуни живое интересное общение, касающееся непосредственно собеседника, фактов его жизни, географии передвижений по стране, свадьбы, кажется, не только не утомляло людей, но и вызывало умиление и ностальгию по прошлым временам. При этом подобного рода нарративы выступают как разновидность ретроспективной рефлексии.

Незначительную методическую проблему представляет здесь то, что Л. Альтюссер назвал «ретроспективной телеологией», когда собственным решениям в прошлом *post factum* приписывается гораздо больше смысла и рациональной целенаправленности, чем это могло быть на самом деле. Здесь можно говорить о биографическом конструкте, который явно связан с контекстом настоящей жизни участника исследования/информанта. Выяснить, вычленив, что в интервью из «тогда» и что из «сейчас» — задача исследователя уже на стадии анализа результатов полевого материала. Мне как инсайдеру, человеку из описываемой культуры, в этом смысле яснее открывалась картина селекции информантом повествуемых событий, учитывая некоторые пласты собственного фонового, контекстуального знания что, в свою очередь, тоже является интересной «информацией» для выявления ценностных ориентаций информанта¹. Что касается непосредственной реализации методики биографических нарративов в «поле», то наиболее охотно откликались на неё люди старшего поколения в отличие от молодых людей, опасаящихся сплетен и кривотолков.

Метод изучения одного случая (Case Study) применен в главе о женщине-воине. Выбор средств микроанализа обоснован тем, что «он позволяет достичь желаемой глубины скорее, чем «пилотажные» построения глобальных процессов... и он же, как никакой другой, позволяет не упустить из виду «маскарад» гендерных проявлений»².

Одним из методов сбора информации было так называемое структурированное интервью, задуманное вначале как анкетирование (с помощью специалиста по гендерным исследованиям Эльзы-Баир Гучино-

¹ Ср.: Абу-Лугход Л. Полевые исследования послушной дочери // Женская устная история: гендерные исследования / Сост. А. Пето. Б.: «Центр издательского развития», 2004. С. 271-299.

² Пушкарева Н.Л. Гендерная методология в истории // Гендерный калейдоскоп. М. 2002. С. 73.

вой было составлено 53 вопроса по гендерной тематике для замужних женщин и вдов). О раздаче и сборе анкет речь не шла, проводилась продолжительная индивидуальная работа с каждым респондентом по отдельности, чтоб разъяснить суть поставленных вопросов, требующих не односложных ответов.

При поддержке В. М. Аванесяна, профессора истории нового времени, преподавателя Арцахского Государственного Университета и группы студентов-историков удалось проанкетировать 81 информанта/респондента (79 женщин, 2 мужчин) на русском и армянском языках. Некоторые из анкет остались недописанными из-за крайней занятости опрашиваемых женщин. Структурированные интервью было сложно провести, но легче обработать его результаты.

Ответы на его вопросы, возможно, прольют свет на гендерное поведение конкретных индивидов в карабахском обществе, как то: гендерные представления, суждения и оценки, их соотношение с традицией, распределение статусных ролей, критерии «женственности» и «мужественности», разделение труда в семье, проблемы номинального и реального лидерства в семье, проблемы морально-этического характера, воспитание детей (различие подходов в зависимости от пола ребенка).

Большие трудности вызвал перевод текстов и прочих материалов. Однако они показались незначительными по сравнению с трудностями, которые заключались в сфере эмоционального восприятия – каждый из участников исследования/информантов нес в себе впечатления войны и в процессе беседы настроение сильно менялось (доходило часто до слез и причитаний, особенно, у средней и старшей возрастных групп).

Помимо того, автору была доступна еще одна важная категория источников – это статистические данные ЗАГС и архив бракоразводных дел районного суда за последние десять лет (с 1990 г.). Эти сведения составили информационный костяк параграфа о фактических вдовах гастарбайтеров/иммигрантов.

Каждая категория охарактеризованных источников охватывает какой-либо или несколько аспектов темы. Так, материалы ЗАГС о рождаемости и смертности воссоздают конкретную картину в числах: состояния рождаемости, смертности, гражданского состояния (межэтнических браков), акты усыновления/удочерения в течение «конфликтных» лет с 1988 г. Архивы суда передают динамику брачной системы, ее изменение в ту или иную сторону, влияние войны на это, заявляемые мотивации расторжения браков и отражение традиционных гендерных представлений, установок и ценностей в судебных

формулировках. Так, определенную роль в исследовании сыграл и количественный метод, хотя и вспомогательную.

В качестве источника автором также были привлечены визуальные средства антропологии двух типов. Это просмотр различного рода видеокассет, отснятых самими носителями культуры, с вытекающими отсюда акцентами и представлениями своей реальности. Второй тип – это отснятые автором картины повседневной жизни, визуальная фиксация свадеб, ритуалов, праздников. К этому же типу источников, по видимому, можно отнести фотоматериал (собранные у информантов и отснятые автором) и артефакты, которые имеются в изобилии.

Технические средства (видеокамера, диктофон) сделали возможным документацию серии подлинных сюжетов и текстов. Собран богатый видео- и аудиоматериал, позволяющий зафиксировать не только сам ритуал, обряд, быт, хозяйственный уклад, поведение (праздничное, траурное, повседневное), но и диалектные особенности местного языка (интонации, акценты, жесты, полилингвистические тексты), мимесис, зафиксировать невербальную культуру информантов через фото и видеосъемку.

Надо сказать, что все перечисленные методы исследования комплексны и попытка их комплексного применения, предполагается, позволила уловить социальный контекст изучаемого сообщества в его целостности насколько это возможно.

В смысле метода, эта работа – тот случай, когда можно сказать, что теория появилась из практики. Такое утверждение связано с тщательно продуманной методикой и тактикой проведения полевых исследований. Речь идет не только о многомесячном «участвующем наблюдении», но и о том, с каким теоретическим багажом исследователь отправилась в поле. Вполне осознанно до выезда в поле не было прочитано ни одной книги по гендерной теории. Все они осваивались после возвращения с «поля», таким образом, не могли влиять на сбор и интерпретацию материала. Информация попадала на свободную от тисков различных научных парадигм почву, не вгонялась в их прокрустово ложе.

Историографический обзор.

Начало этнографического изучения основных историко-культурных областей Армении было положено во второй половине 19 в. армянским этнографом Ервандом Лалаяном, охватившим в своих публикациях практически все этнографические районы Армении и сопредельных областей, населенных армянами. Так, в работе «Арцах» (древнее армянское название Нагорного Карабаха) Е. Лалаян приводит материалы по

двум областям: Варанде¹, границы которой сейчас примерно совпадают с территорией Мартунинского района современного Нагорного Карабаха, и Гандзаку. Собранный Е. Лалаяном материал остаётся одним из немногих источников по истории и этнографии района. В работе приводятся сведения о состоянии земледелия, животноводства, производства шелка, домохозяйства. Особый интерес представляют описания семейного этикета, взаимоотношений внутри *гердастана* (большой расширенной патриархальной семьи), верований и ритуально отмеченных дней, четко отражающих гендерные иерархии патриархального сообщества.

Следующий фундаментальный труд по этнографии Нагорного Карабаха был выполнен профессором Стафаном Лисицианом². Его монография «Армяне Нагорного Карабаха» написана в жанре этнографического очерка в середине 1920-х гг. в результате научной экспедиции в районы Зангезура, Нагорного Карабаха и Нагорного Курдистана. В работе отражены основные аспекты хозяйства и материальной культуры (занятия жителей, поселения, жилище, его интерьер, утварь, пища, одежда), семейно-обрядовой сферы (свадебная, родильная, похоронная обрядность), различные стороны духовной культуры жителей Нагорного Карабаха. Эта работа, кроме того, что воспроизводит контекст гендерных отношений в Карабахе, интересна описанием традиций отходничества в карабахском обществе и влиянии этого фактора на семейный уклад³.

Кроме того, следует упомянуть брошюру И. П. Петрушевского⁴, отражающую некоторые стороны дохристианских верований и культов, наблюдавшихся среди населения края вплоть до 1930 г. Сведения о карабахских селах и их быте можно найти также в выпусках «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» (Издание Управления Кавказского Учебного Округа), выходившем в свет в Тифлисе⁵.

¹ Е. Лалаян. Труды. Ер. 1988. (на арм. яз.) с. 11-202.

² См.: Варданян Л. М. Степан Данилович Лисициан (1865-1947 гг.) // Советская этнография. №6. 1986. С. 59-70.

³ Лисициан С. Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк. Ереван: АН Армени. 1992.

⁴ И.П. Петрушевский О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха», Баку. 1930.

⁵ Давидбеков И. Село Гадрут, Елисаветпольской губернии Джебраильского уезда. С. 153-192. СМОМПК. Вып 6. Тифлис. 1888; Израелов Г. Село Касапет. Там же; Ибрагимбеков Б. Шушинский уезд: Агдамское общество, М.Погосов Селение Туг, Селение Мухренес. С. 79-89.

И. Давидбеков Джебраильский уезд: сел. Гадрут. С. 113-116.

Юсуф-бек Мелик-Ахназаров. Город Елисаветполь. С. 116-120;

Все перечисленные труды носят описательный характер. Тем не менее, именно эти детально описанные сцены из повседневной жизни позволяют реконструировать исторические паттерны поведения исследуемой группы, предоставляя возможность проведения параллелей с современными реалиями и, в конце концов, подводя основания для анализа.

Блестящие кавказоведческие работы продолжали выходить и позже, в советский и постсоветский периоды. В 1960-х гг. в ряде районов НКАО работала этнографическая экспедиция Института археологии и этнографии АН Армянской ССР под руководством Дереника Суреновича Вардумяна, и в 1970-80-х гг. под руководством Аллы Ервандовны Тер-Саркисянц. Работы последней, в основном, посвящены проблемам современной семьи у армян¹.

Систематическое изучение культуры армян, в том числе и карабахских, было предпринято коллективом авторов в начале 1980-х: Маркарян Э.С., Арутюнов С.А., Барсегян И.А., Енгибарян С.Е., Мелконян Э.Л., Мкртумян Ю. И., Сарингулян К.С. На примере культуры жизнеобеспечения и отдельных ее составляющих эти авторы показывают полифункциональность большинства элементов культуры и образуемых ими комплексов. Кроме базовых, витальных потребностей людей, культура призвана обеспечивать, по мнению авторов, социогенные потребности, например, престижно-символические и эстетические². Фольклору армян Нагорного Карабаха посвящена работа армянского фольклориста А. С. Газиян³, материалы которой активно использовались мною в главе о языке и дискурсах.

Занятия шелководством при народных училищах Елисаветпольской губернии в 1889 г. с.229-239. СМОМПК, вып. 11. Тифлис. 1891; О. Джейранова. Селение Чайкенд Елисаветпольского уезда Елисаветпольской губернии. С. 59-100. Г. Осипов. Селение Даш-Алты Шушинского уезда Елисаветпольской губернии. С. 101-136. СМОМПК, вып 25. Отд. 2.Тифлис, 1898.

¹ Тер-Саркисянц А.Е. Современная семья у армян Нагорного Карабаха // КЭС. Т. 6. М. 1976; Она же. Новое и традиционное в современном быту армян Нагорного Карабаха // ПИИЭ. 1975. М. 1977; Она же. Изучение структуры сельской семьи у армян // ПИИЭ. 1983. М. 1987; Брак и свадебный цикл у армян (вторая половина XIX нач. XX в.) // КЭС. Вып. 9. М. 1989; Армяне. История и этнокультурные традиции. М. «Восточная литература» РАН. 1998.

² Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Авторский коллектив: Маркарян Э.С., Арутюнов С.А., Барсегян И.А., Енгибарян С.Е., Мелконян Э.Л., Мкртумян Ю. И., Сарингулян К.С. Ереван: АН Арм. ССР. 1983. С. 37.

³ Газиян А. С. Арцах. Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования. 15. АН Арм. ССР. Ер., 1983 (на арм. яз); Она же. Устное народно-поэтическое творчество Арцаха (обзор). ВОН, № 7, 1990. (на арм. яз.)

Многие общие вопросы, связанные с семейно-брачным циклом в других культурах кавказского ареала, были прояснены благодаря трудам Я.С. Смирновой¹, Л.Т. Соловьевой², Н.Г. Волковой³, Г.А. Сергеевой⁴, Я. В. Чеснова⁵ и др.

К числу авторов, занимающихся проблемами Закавказья и в частности Карабаха, относятся А. Б. Крылов⁶ и А. Н. Ямсков⁷. Их исследования касаются экономических аспектов (землепользование и др.) исследуемого региона.

Описанию гендерного конструирования пространства в культурных традициях Кавказа посвящена книга петербургского ученого Ю.Ю. Карпова⁸. Правила распределения социального пространства, его структурирования, по мнению автора, отражают и воспроизводят отношения власти. Книга является первым исследованием женской субкультуры в традиционной общественной практике народов Кавказа, прямо и опосредованно связанная с женщиной и составляющими ее «мир» явлениями. Этнокультурное своеобразие Кавказа

¹ Смирнова Я.С. Положение «старшей» женщины у народов Кавказа и его историческое истолкование. КЭС. 8. отв. ред. Гарданов В.К. М. «Наука». 1984.

² Соловьева Л. Т. К изучению современной сельской семьи у грузин / Новое в этнографии. Вып. 1. М. Наука, 1989. Соловьева Л. Т. Родильная обрядность у грузин // ПИИЭ. 1979. Наука. 1983. Она же. Обряды и обычаи грузин, связанные с охраной здоровья детей // ПИИЭ. 1980-1981. Наука. 1984. Она же. Современная свадьба цахуров Азербайджана // ПИИЭ. 1982. Наука. 1986.

³ Волкова Н. Г. У греков Грузии // ПИИЭ. 1974. Наука. 1975. Она же. Ингило // ПИИЭ. 1977. Наука. 1979. Она же. Рехцы // ПИИЭ. 1978. Наука. 1980. Она же. Армяне Абхазии // ПИИЭ. 1979. Наука. 1983.

⁴ Сергеева Г. А. Об обычае избегания у народов Грузии // ПИИЭ. 1974. Наука. 1975. Она же. Женские головные уборы народов аварской группы Дагестана // ПИИЭ. 1977. Наука. 1980. Она же. Балхарцы // ПИИЭ. 1979. Наука. 1983. Она же. Этнографические наблюдения в Хнове (Дагестан) // ПИИЭ. 1980-1981. Наука. 1984. Она же. Этнографические наблюдения в Азербайджане // ПИИЭ. 1982. Наука. 1986.

⁵ Чеснов Я. Женщина и культурогенез // Семья, гендер, культура. Отв. ред В.А. Тишков. М. 1997; Он же. Представления о человеческом теле в традиционной абхазской культуре // Новое в этнографии. Вып. 1. М. Наука. 1989; Он же. Нравственные ценности в традиционном абхазском поведении // ПИИЭ. 1980-1981. Наука. 1984.

⁶ Крылов А.Б. Как в Карабахе землю делили // Новая политика. Интернетиздание. www.povopol.ru (дата просмотра 19.08.2004).

⁷ Ямсков А.Н. Традиционное землепользование кочевников исторического Карабаха и современный армяно-азербайджанский этнотерриториальный конфликт // Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе (под ред. М. Б. Олкотт и А. Малашенко). М., Московский Центр Карнеги, 1998.

⁸ Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб. 2001.

анализируется также в другой его книге под названием «Джигит и волк», связанной с исследованием социально-исторического феномена мужских союзов¹.

Цикл работ армянского этнографа Л. Абрамяна непосредственно затрагивает вопросы взаимоотношения полов. «Беседы у дерева»² — его ключевая работа по семиотике и представляет собой этнографический комментарий традиций и верований народов в виде внутреннего диалога автора. В монографии «Первобытный праздник и мифология»³ проблемы гендерной иерархии в контексте первобытных обществ и мифологии освещаются во второй главе «Первобытная мифология: границы истолкования» (С.с. 69-131). Исходным пунктом книги является противопоставление «торжественного ритуала» и «веселого праздника» в первобытном обществе. Описывая перемещения «верха» и «низа», разграничивая «сакральное» и «профанное», автор интерпретирует проявления последнего (т. е. вульгаризацию официальных праздников) как «иное сакральное»⁴. В контексте данной работы интересны попытки ухватить структуру иерархических отношений. В том же стиле «народно-карнавальных» интерпретаций написана его неопубликованная статья «Хаос и космос в структуре массовых народных выступлений (карабахское движение глазами этнографа)», Ереван, январь 1989 г.

На основе конференции в Кембридже, Массачусетс, организованной Зоряновским институтом в мае 1998 г. в честь 10-летия Карабахского движения сделан сборник статей «Создание Нагорного Карабаха: от сепаратизма к республике». В нем помещена и статья Л. Абрамяна «Гражданское общество, рожденное на Площади: карабахское движение в перспективе»⁵.

Интерес для исследования представляет работа российского этнолога-арменоведа И.В. Кузнецова⁶, написанная также в семиотическом

¹ Карпова Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб. 1996.

² Абрамян Л. Беседы у дерева // Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. М. 1979. С. 55-85.

³ Абрамян Л. Первобытный праздник и мифология. Ер. АН Арм. ССР. 1983.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Abrahamian L. Civil Society Born in the Square: The Karabagh Movement in Perspective. (p.116-134). In: The Making of Nagorno-Karabagh: From Secession to Republic. Ed. by Levon Chorbajian. Houndmills, Basingstoke: Palgrave, 2001.

⁶ Кузнецов И.В. Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры. М. «Восточная литература» РАН. 1995.

ключе на основе анализа артефактов, фотографий из семейных альбомов, рисунков и других типов полевых материалов. Детальное описание ритуально-мифологической функции женской одежды различных локальных групп армян и в особенности их семантические интерпретации делают прозрачными всевозможного рода властные вертикали в отношениях полов, стабильно закодированные в костюмных комплексах. Подобные объяснения, связанные со свойственным людям бинарным мышлением, подспудно проявляют императивные ценностные ориентации армянской культуры, устанавливаются интереснейшие универсальные параллели с древнейшими культурными традициями.

Особый интерес представляет диссертация Артура Мкртчяна под названием: «Общественный быт армян Нагорного Карабаха (вторая половина XIX – начало XX вв.)»¹, оставшаяся незащищенной ввиду смерти автора при загадочных обстоятельствах, кстати баллотировавшегося на пост президента новоиспеченной нагорно-карабахской республики. В рукописи автор сделал попытки исторических реконструкций социальной жизни в армянских селах региона на основе комбинирования полевых исследований и тщательного изучения имеющихся письменных источников. Вслед за этнографическим описанием региона в означенный период, А. Мкртчян детально охарактеризовал социальные и материальные компоненты общественного быта. Последняя глава касается обычаев и норм, регулирующих внутриобщинные и межобщинные отношения в Нагорном Карабахе. Со ссылкой на Ю.И. Семенова Мкртчян говорит об основном механизме жизнедеятельности сельской общины в терминах взаимопомощи и услугообмена. Эквивалентный взаимопомощи характер носит так называемый *канч* (букв. зов) – деньги, собираемые по случаю свадьбы в пользу супружеской пары². Текст диссертации дает не только последовательное описание значимых событий и явлений, но и описание распределения социального пространства в реалиях сельского уклада. Ссылаясь на данные газеты «Пайлак» (№№ 17, 18, 20), А. Мкртчян также отметил интересный факт, согласно которому «в 1915 г., когда во многих селах Нагорного Карабаха собирали добровольные пожертвования в помощь

¹ Мкртчян А. А. Общественный быт армян Нагорного Карабаха / вторая половина XIX-начало XX вв. / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. 1988. См. также: Мкртчян А. А. Межэтнические контакты в Нагорном Карабахе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Межэтнические контакты и развитие национальных культур. Институт этнографии АН СССР. М. 1985.

² Мкртчян А.А. Общественный быт... с. 163.

армянским беженцам из Западной Армении, в с. Тог Дизакской провинции в сборе средств приняли участие азербайджанцы»¹. В заключительной части работы Артур Мкртчян охарактеризовал Нагорный Карабах как арену сложных политических, этноязыковых и культурных процессов, одну из интенсивных этноконтактных зон².

Серия социологических статей в области гендерных исследований представлена на русском и армянском языках в книге «Женщины в развитии: гендерные проблемы современного общества». Исследования касаются проблем положения и социального статуса женщин в Армении в условиях трансформирующегося общества и выполнено Центром гендерных исследований Ассоциации женщин с университетским образованием. Опираясь на данные социологических опросов, проведенных в 1999 г. в г. Ереване и восьми областях Армении, авторы анализируют «положение женщин с высшим образованием в условиях рыночной экономики и формирующегося гражданского общества, степень активности интеллектуального слоя женщин в процессах демократизации, их социальный статус и представленность в органах власти, состояние и перспективы развития женского движения в Армении»³. Следующий сборник, вышедший годом позже под названием «Гендерная динамика современного общества. Женщины Армении в 21-м веке», представляет собой публикацию материалов конференции в Цахкадзоре в апреле 2000 г. и также как и предыдущий резюмирован на трех языках: армянском, русском, английском. Отмечая факт «дискриминации в отношении женщин в экономической и политической сфере» и «гендерном конфликте в армянском обществе», в аннотации к изданию говорится об отсутствии механизмов формирования государственной политики по обеспечению прогресса в женском развитии⁴.

Книга, выпущенная в Армении под редакцией А. Мхитарян и М. Оганян в 2000 г. под названием «Женщина и вооруженный конфликт. Война в Карабахе» также привлекла внимание автора, поскольку представляет собой публикацию жизненных историй (life-stories) 11 жен-

¹ Там же. С. 182.

² Там же. С. 183.

³ Женщины в развитии: гендерные проблемы современного общества (по результатам социологического опроса). Центр гендерных исследований Ассоциации женщин с университетским образованием. Ереван. 1999.

⁴ Гендерная динамика современного общества. Женщины Армении в 21-м веке. Материалы конференции. Цахкадзор, апрель, 2000. Ассоциация женщин с университетским образованием. Ер. 2000.

щин, воевавших с оружием в руках наравне с мужчинами на фронтах карабахской войны¹. Те же исследовательницы в одноименной статье («Женщина и вооруженный конфликт. Война в Карабахе») делают попытку анализа войны, увиденной глазами женщин, сквозь призму женских историй. Статья написана на основе интервью с женщинами, которые либо воевали на полях сражений, либо побывали в плену, либо жили во время войны в Карабахе. Мотив участия этих женщин в боевых действиях был в том, что они понесли личные потери (смерть близких, ограбление годами нажитого имущества) в ходе погромов в Азербайджане и начавшейся войне. Однако авторы делают вывод, что даже на войне женщина не теряет своих лучших человеческих качеств: сочувствие, сопереживание к врагу². Статьи Светланы Погосян, написанные на армянском языке, по сути посвящены теме женщины-государства-нации-войны³. Перечисленные работы относительно роли женщины в войне были существенным подспорьем при написании главы о женщине-воине.

Западное исследовательское поле также содержит ряд работ, прямо относящихся к выбранной тематике. Сюда входят и специализированные сборники статей, посвященные армянской женщине. Непосредственно Карабаха касались следующие авторы (антропологи, социологи, историки): Нора Дадвик (Nora Dudwick), Клер Мурадян (Clair Mouradian)⁴, Рачья Чилингирян (Hratch Tchilingirian), Рон Суни (R. Suny)⁵, Стефан Астуриан (Stephan Astourian)⁶, Виген Четерян (Vicken Cheterian) и некоторые другие.

¹ Women in Military Conflict War in the Karabakh. Ed. by Armineh Mkhitarian, M. Ohanyan. Yerevan: Youth Center for Gender Studies. 2001. 162 p.

² Оганян М., Мхитарян А. Женщина и вооруженный конфликт. Война в Карабахе // ГИ. Харьков. 2001. №6.

³ Погосян С. Армянка и национально-освободительное движение // Традиции и инновации в армянской культуре. Ереван. 1998. С. 36-39 (на арм. яз.).

⁴ Mouradian, C. The Mountainous Karabagh Question: Inter-Ethnic Conflict or Decolonization Crisis? // Armenian Review. 1990. 43.

⁵ Suny, Ronald Grigor (1989). Nationalism and Democracy in Gorbachev's Soviet Union: The Case of Karabakh. *Michigan Quarterly Review* 28, 3 (Fall): 15-36.

⁶ Astourian, Stephan H. In Search of Their Forefathers: National Identity and the Historiography and Politics of Armenian and Azerbaijani Ethnogenesis (p.41-94). In: Nationalism and History: The Politics of Nation Building in Post-Soviet Armenia, Azerbaijan and Georgia. Ed. by Donald V. Schwartz and Razmik Panossian. Totonto: Univ. of Toronto, 1994.

Сугубо тематическую направленность имеют сборники статей, изданные Ереванским государственным университетом совместно с Колледжем Уэллесли. Выступления участниц международной конференции, изданные в формате сборника статей «Голос армянских женщин», касаются таких тем как женская литература, гендерные роли, воздействие армянского геноцида на женскую субкультуру, положение армянской женщины в Стамбуле, современное состояние вещей¹. Следующее издание из той же серии увидело свет в Лондоне в 1995 г. и называется «Армянская женщина в меняющемся мире». Сборник также затрагивает широкий спектр тем, таких как «женщина и власть в Армении (политика и бизнес)», женское здоровье, исторические перспективы смены социальных и политических ролей, участие армянских женщин в национальном движении, детство в призме политических и экономических факторов².

В книге «Дилеммы полевой работы: антропологи в постсоциалистических государствах», изданной Университетом Висконсина, опубликована методологическая по характеру статья Н. Дадвик с ее рефлексиями исследовательского поля³. Характеризуя армянское поле, охваченное страстями военного времени, автор говорит о таких явлениях, как политизация повседневности (politicization of daily life), жертвенность (victimhood) (р. 18). Статья Н. Дадвик «Нагорный Карабах и политики суверенитета»⁴ рассматривает различия в восприятии и концептуализации категорий нация, территория, государство, отчизна среди населения Армении и Азербайджана. В сознании армян нация ассоциируется с нарративами примордиального толка (narratives of primordial affiliation), в то время как в сознании азербайджанцев определяющим критерием является региональная идентичность, в основе которой лежит привязка к территории (base their attachments to territory). Разъясняются современные трак-

¹ Voice of Armenian Women. Papers Presented at the International Conference on Armenian Women. Paris, France. Ed. By Barbara Merguerian Yerevan State Un-ty and Joy Renjilian-Burgy Wellesley College. AIWA Press. 2000.

² Armenian Women in a Changing World. Papers Presented at the First International Conference of the Armenian International Women's Association. Ed. by B.Merguerian, D. Jafferian. AIWA Press. Belmont, Massachusetts. 1995.

³ Dudwick N. Postsocialism and the Fieldwork of War. In Fieldwork Dilemmas. Anthropologist in Postsocialists States. Ed. By H. G. De Soto and N. Dudwick. The University of Wisconsin Press. 2000.

⁴ Dudwick N. Nagorno-Krabakh and the Politics of Sovereignty. In Transcaucasia, Nationalism, and Social Change. Essays in the History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia. Ed. By R.G. Suny. Ann Arbor The University of Michigan Press. 1996. C. 439-440.

товки понятия самоопределение, которое отсылается к принципу включения (право индивидов и групп участвовать в коллективном принятии решений), чем исключения (право групп настаивать на отделении)¹.

В 2003 г. Р. Чилингирян (Лондонская школа экономики и политических наук) представил и защитил диссертацию на степень доктора философии, озаглавленную: «Борьба за независимость на постсоветском Южном Кавказе: Карабах и Абхазия». Использование библиографических источников трех типов (академическая литература, журналистская и литература по разрешению конфликта (*conflict resolution literature*) трехмесячным в сочетании с трехмесячным включенным наблюдением существенно расширили исследовательскую базу исследования. Результатом многолетних изысканий стали следующие выводы: суть и мотивации конфликтов в большинстве своем в реструктуризации отношений большинство – меньшинство. С социологической точки зрения, межэтнические споры отражают попытку «непрестижных» (*disadvantaged*) групп преодолеть преграды и барьеры, возведенные государственной системой для сохранения идентичности «другого», которая, в свою очередь, имеет как объективные, так и субъективные измерения. Доминантная группа, постоянно поддерживая образ меньшинства как «других», «их», отчуждает меньшинства и интегрирует свое восприятие группы. Таким образом, обоюдное отчуждение, дистанцирование, приписывание «инако(во)сти» (*othering*) становится определяющим фактором в негативном процессе продолжения конфликта². В унисон Норе Дадвик автор определяет движение за независимость в Карабахе как деколонизацию³.

¹ Ibid., p. 431.

² Отдельная статья Tchilingirian H. Nagorno Karabagh: Transition and the Elite. *Central Asian Survey*. 1999. 18 (4). P. 454. посвящена освещению роли политических и интеллектуальных элит (экономическая пока еще не сложилась ввиду бедственной послевоенной экономики) в карабахском движении.

³ Р. Чилингирян также автор серии статей о церкви и современном религиозном дискурсе в Нагорном Карабахе. В одной из них он отмечает, что в Шуши, что являлось редким феноменом в Армянской церкви, были женщины служители церкви (монашки, дьяконессы), которые были вовлечены в социальную и пасторскую работу под эгидой епархии (например, Варвара Баатрян, 1887 г.) См.: Tchilingirian, H. (1994). *A Theology of War: Faith and Evangelism in Karabakh. A conversation with Bishop Barkev Mardirossian. Window Quarterly* (San Jose, CA) 4, 1. Tchilingirian, H. (1996) *On Campus in Karabakh. Armenian International Magazine* March: 35. См. Также: Tchilingirian, H. (1997). *Religious Discourse and the Church in Mountainous Karabagh 1988-1995. Revue du monde arménien moderne et contemporain* 3. p. 69.

К разряду журналистских исследований относится работа «Малые войны и большая игра» В. Четеряна, в которой автор приводит систематические данные, касающиеся четырех постсоветских государств-сепаратистов, «независимых и непризнанных»: Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии и Чечни¹.

Несмотря на многочисленный список литературы, относящийся к теме исследования, немногие из перечисленных работ, как было видно из обзора, фокусируются на исследовании гендерного порядка в карабахском регионе, или в лучшем случае лишь затрагивают некоторые аспекты патриархатных отношений. Возможно поэтому было бы уместно привести краткий обзор работ, касающихся этой темы, выполненных в более широком поле международного академического сообщества, включая темы «женщина на войне» и «женщина и национализм».

Проблема взаимоотношений гендерных и этнических идентичностей наиболее последовательно разработана британской исследовательницей Нирой Ювал-Девис. Ее фундаментальная монография по этому вопросу – «Гендер и нация» – переиздавалась четырежды (с 1997 г.). Одна из глав этой книги посвящается анализу участия женщин, как в неформальной демократической борьбе, так и в современных вооруженных конфликтах. Различные группы мужчин и женщин занимают самые различные позиции в обществе, соответственно, по-разному участвуют в войне. По мнению автора, этот аспект в отношении войны особенно важно подчеркнуть из-за проникновения конструкции мужчины-воина сквозь все социальные деления. Это не значит, что не существует конструкций образов женщин-воинов (начиная от амазонок, кончая американскими женщинами-солдатами в войне в Персидском заливе). Речь о том, что обычно этот образ воспринимается как неестественный², кроме того, с ним связано немало предрассудков³.

Современные научные разработки по антропологическому анализу участия женщин в войне, так же как и непосредственно войны в

¹ Четерян В. Малые войны и большая игра. Ереван. Кавказский институт СМИ. 2003.

К этому же разряду относится книга журналиста кампании BBC World Service и сотрудника Института войны и мира (IWPR) в Лондоне Томаса де Ваала о последствиях карабахского конфликта. См.: de Waal, Thomas Black Garden: Armenia and Azerbaijan Through Peace and War. New York UP. 2003.

² Yuval-Davis N. Gender & Nation. SAGE Publications. London-Thousand Oaks-New Delhi. 2003. P. 93-94.

³ Ibid., p. 100.

Нагорном Карабахе не так обширны в постсоветской науке¹, в отличие от англоязычных источников².

Гендерное конструирование войны, по мнению Д'Амико, неизбежно, поскольку сама война постигается как «мужская сфера, владение», где женщины могут выступать как жертвы, наблюдатели или награда. Женщина – отрицаемый агент, который присутствует, но остается в тени³. Очевидно, поэтому многие западные феминистские исследователи фокусируют внимание на теме женщина и война, провоцируя женщин «рассказать свою собственную историю войны». При этом «образ женщины-воина представляется одновременно экстремальным, вынужденным, интригующим. Авторы-нефеминистки называют этот образ неестественным и предостерегают, что повышение женского военного участия подрывает основы как семьи, так и гражданского общества»⁴. Положения же феминистской теории по-разному оценивают проблему женщины и войны. Радикальные феминистки видят в образе женщины-воина потенциального представителя для внедрения во власть (empowerment). Некоторые из них усматривают милитаризацию как необходимость для освобождения от патриархатной модели общественных отношений. Другая часть феминисток связывает образ женщины-воина с хорошим основанием для равноправия женщин и мужчин. С этих позиций цель милитаризации женщин – женское равноправие и подрыв теории различий, путь к постепенной трансформации военных сообществ в иерархическую, более демократическую социальную институцию. И третья группа феминисток предостерегает об опасности образа женщины-воина, которая исходит из «загадки воина» (warrior mystique), то есть мистификации образа воина и войны, и больше протаскивает бойцовские и маскулинные ценности, нежели

¹ Петроне К. Герои и пол. Подвиги советских летчиц в 1930-е годы. // Семья, гендер, культура. Отв. Ред. В.Тишков. М.1997; Тишков В. А. Гендерные аспекты глобальных трансформаций и конфликтов // Семья, гендер, культура. Отв. ред. В.Тишков. М.1997; Оганян М., Мхитарян А. Женщина и вооруженный конфликт. Война в Карабахе // ГИ. № 6. Харьков. 2001.

² См: Dudwick N. Out of the kitchen into the crossfire: women in independent Armenia // Post-Soviet women: from the Baltic to Central Asia. Cambridge University Pres; Elstain J. B. Women and War. The University of Chicago Pres. Chicago and London. 1995; Reardon B. A. Women or Weapons? // Peace review. A Transnational Quarterly. 1996, V.8, № 3, p. 315-321; Woman and Military Conflict. War in the Karabakh. Edited by A. Mkhitarayan and M. Ohanyan. Yerevan: Youth Center for Gender Studies, 2000.162 p., etc.

³ D'Amico F. Feminist Perspectives on Women Warriors // Peace review. A Transnational Quarterly. Oxford. 1996, V.8, № 3, p. 379.

⁴ Ibid., c.379-380.

гендерно-сбалансированные социальные приоритеты. Зачарованность образом женщины-воина связывают с «женским освобождением» (women's liberation). «Принимая концепт «загадки воина», женщины смягчают образ военных как разрушителей и помогают продвижению мифа о военных как демократическом институте»¹. Наоборот, «мы можем и должны деконструировать «загадку воина» и построить на месте этого позитивную концепцию гражданства и равенства»².

Теме событий 1988 г. и войны в Армении посвящена упомянутая работа Н. Дадвик «Из кухни в перестрелку: женщины независимой Армении»³. Анализируя влияние постперестроечных событий на гендерные отношения, автор пишет об упадке экономики и обострении гендерных различий. Тем самым патриархатное доминирование напрямую связывается с неомарксистским подходом, а точнее сказать с диспозициями полов / гендеров в экономической структуре общества. Она касается также вопросов, связанных с женскими организациями и участием женщин в войне. Посягнув в своих текстах на «святая святых» националистической и патриархатной идеологий, как кажется их ревнителям, Нора Дадвик сегодня персона нон-грата в республике Армения.

Основываясь на материале, собранном в Ирландии, Югославии, Израиле, английская исследовательница Синтия Кокберн⁴ в своей книге касается того, как женщины пытаются выжить в национальных, военных и религиозных конфликтах и войнах. Центральная проблема исследования С. Кокберн поставлена так: кем они считают себя прежде всего — женщинами и матерями или католичками, сербками, палестинками?

Методологические основы исследования.

Исследование основано на нескольких концептуальных теоретических предпосылках из области социальной / культурной антропологии, социологии, феминистской антропологии и гендерных исследований. Среди них — теория социального конструирования реальности (Питер Бергер и Томас Лукман), социоанализ Пьера Бурдьё и теория драматургического интеракционизма (Ирвинг Гофман).

¹ Ibid., p. 382.

² Ibid., p. 384.

³ Dudwick N. Out of the kitchen into the crossfire: women in independent Armenia.

⁴ Кокберн С. Пространство между нами. Обсуждение гендерных и национальных идентичностей в конфликтах. М.: Идея-прес, 2002.